

Рисунок 1 – Города, входящие в туристский маршрут «Поезд Памяти»

Прошлое хранит память об истории и подвиге народа в период Великой Отечественной войны, роли железнодорожного транспорта в Великой Победе. В настоящее время появление большого количества специализированных проектов помогает познакомить молодое поколение с эпохой того непростого времени. Туристские поезда, следующие по маршрутам истории боевой славы – это не просто поездки, а важнейшая часть сохранения исторической памяти. Они напоминают потомкам, что победа досталась огромной ценой, и каждый должен ценить и знать свою историю.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Дорога мужества и подвига. – URL : [https:// novovremya.tilda.ws/dorogamuzhestva75](https://novovremya.tilda.ws/dorogamuzhestva75) (дата обращения: 10.05.2025).
- 2 Как поезда из «коридора смерти» вышли на Дорогу Победы. – URL: <https://www.spb.kp.ru/best/spb/doroga-pobedy> (дата обращения: 10.05.2025).
- 3 Железная дорога. – URL: <https://leningrad-pobeda.ru/blog/zheleznyaya-doroga> (дата обращения: 10.05.2025).

УДК 711.3/7:82.09

М. М. ВЛАСЮК

Студия дизайна и рекламы «Studioland», г. Москва, Российская Федерация

ПЕТЕРБУРГ КАК МЕХАНИЗМ: УРБАНИСТИЧЕСКИЙ И ТРАНСПОРТНЫЙ ХРОНОТОП РОМАНА АНДРЕЯ БЕЛОГО

Город как механизм – одна из ключевых метафор урбанистической культуры начала XX века. Петербург – город, рожденный на пересечении имперских амбиций и инженерных проектов, стал в литературе символом искусственного пространства, геометрического порядка и одновременно лабиринта судьбы: *«Более всего он любил прямолинейный проспект; этот проспект напоминал ему о течении времени между двух жизненных точек; и еще об одном: иные все города представляют собой деревянную кучу домишек, и разительно от них всех отличается Петербург. Мокрый, скользкий проспект: там дома сливались кубами в планомерный, пятиэтажный*

ряд; этот ряд отличался от линии жизненной лишь в одном отношении: не было у этого ряда ни конца, ни начала; здесь середина жизненных странствий носителя бриллиантовых знаков оказалась для скольких сановников окончанием жизненного пути» [1].

В романе Андрея Белого «Петербург» (1913) город перестает быть лишь фоном событий. Он становится самостоятельным действующим лицом, определяющим ритм, динамику и логику жизни персонажей: *«Изморось поливала улицы и проспекты, тротуары и крыши; низвергалась холодными струйкам с жестяных желобов. Изморось поливала прохожих: награждала их гриппами; вместе с тонкою пылью дождя инфлуэнцы и гриппы заползали под приподнятый воротник: гимназиста, студента, чиновника, офицера, субъекта; и субъект (так сказать, обыватель) озирался тоскливо; и глядел на проспект стерто-серым лицом; циркулировал он в бесконечность проспектов, преодолевал бесконечность, без всякого ропота – в бесконечном токе таких же, как он, – среди лета, грохота, трепетанья, пролеток, слушая издали мелодичный голос автомобильных рулад и нарастающий гул желто-красных трамваев (гул потом убывающий снова), в непрерывном окрике голосистых газетчиков. Из одной бесконечности убегал он в другую; и потом спотыкался о набережную; здесь приканчивалось все: мелодичный глас автомобильной рулады, желто-красный трамвай и всевозможный субъект; здесь был и край земли, и конец бесконечностям».*

Рассмотрим, как в романе Белого функционирует образ Петербурга в виде транспортного и урбанистического механизма и особое внимание уделим пространственно-временному хронотопу города, моделированию движения, маршрутности, ритмов улиц, а также роли городской симметрии, мостов, топографии и транспорта в формировании не только повествования, но и психологического состояния героев.

1 Теоретическая рамка: хронотоп и город как механизм. Методологической основой анализа служит концепция хронотопа, предложенная М. М. Бахтиным, в которой пространство и время рассматриваются как неразделимое единство. Применительно к «Петербургу» хронотоп – это не просто совокупность описаний улиц, мостов и площадей, но динамическая модель, в которой урбанистическая структура задает ритм движения персонажей, а время синхронизируется с топографией города, где концепция «городского текста» дополняется системой знаков и кодов. При этом Петербург как город-механизм – не только сумма архитектурных форм, но и пространственно-семиотическая машина, производящая смыслы.

2 Петербург как урбанистический механизм. Город Белого – это, в первую очередь, геометрические пассажи. Петербург изображен как мир прямых линий, симметрий и пересечений. Проспекты тянутся как линейки, площади – четкие геометрические фигуры. Это город, созданный чертежом,

а не эволюцией: *«Параллельные линии на болотах некогда провел Петр; линии те обросли то гранитом, то каменным, а то деревянным забориком. От петровских правильных линий в Петербурге следа не осталось; линия Петра превратилась в линию позднейшей эпохи: в екатерининскую окруленную линию, в александровский строй белокаменных колоннад»*. Логика градостроительного проекта Петра I (рациональность, подчинение пространства власти) находит у Белого гипертрофированное отражение. Город предстает как чертеж, превращенный в реальность, как архитектурный механизм. Симметрия и зеркальность города приобретают двоякий смысл: с одной стороны – порядок, с другой – тревожное ощущение дезориентации. Персонажи блуждают среди кварталов, которые кажутся бесконечно повторяющимися (рисунок 1).

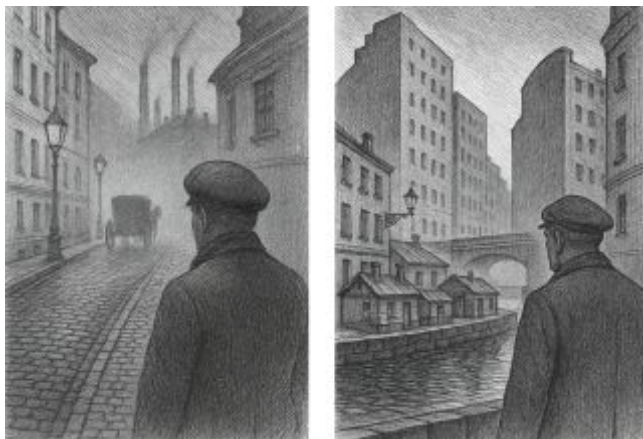

Рисунок 1 – Бесконечно повторяющиеся кварталы
(генеративная графика М. М. Власюка)

Эта топография лишена разнообразия и органичности – город упорядочен до абсурда, превращен в абстрактную схему. Автор отмечает, что Петербург – не просто пространство, а еще и модель государственного механизма. Символичным становится образ особняка сенатора Аблеухова, выстроенного как механизм расписанных часов, где каждая минута имеет свое назначение. Этот микромир – модель всего города, работающего как бюрократический аппарат: четкий, предсказуемый, воспроизводящий сам себя.

3 Транспортный хронотоп Петербурга. Особое внимание в романе уделяется характеру движения потоков людей: *«В зеленоватом освещении петербургского утра, в спасительном «кажется» перед сенатором Аблеуховым циркулировал и обычный феномен: явление атмосферы – поток людской; тут люди немели; потоки их, набегая волнообразным прибоем, – гремели,*

рычали; обычное ухо же не воспринимало нисколько, что прибой тот людской есть прибой громовой. Спаянный маревом сам в себе поток распадался на звенья потока: протекало звено за звеном; умопостигаемо каждое удалялось от каждого, как система планет от системы планет; ближний к ближнему тут находился в таком же приблизительном отношении, в каком находится лучевой пучок небосвода в отношении к сетчатой оболочке, проводящей в мозговой центр по нервному телеграфу смутную, звездную, промерцавшую весть. С предтекущей толпой престарелый сенатор сообщался при помощи проволок (телеграфных и телефонных); и поток теневой сознанию его предносился, как за далями мира спокойно текущая весть».

Улицы Петербурга – это артерии, по которым циркулирует человеческий поток. Утреннее шествие рабочих с заводских окраин в центр и вечернее обратное движение – типичные примеры циклического транспортного хронотопа, в котором пространство города соотносится со временем суток и социальной динамикой. Андрей Белый подробно описывает этот ритуал: «Не было на Невском Проспекте людей; но ползучая голосащая многоножка была там» (метафора, использованная в тексте). «Многоножки» движутся по мостам и проспектам, образуя закономерные траектории – туда и обратно, из спальных районов в административный центр и снова домой. Таким образом, ритм города определяется ритмом его транспортных потоков (рисунок 2).

Рисунок 2 – Транспортный хронотоп Петербурга
(генеративная графика М. М. Власюка)

Автор уделит внимание и топологии движения через замкнутые маршруты. Топография Петербурга в романе устроена таким образом, что многие маршруты оказываются замкнутыми или бесконечно повторяющимися. Герои – Николай Аблеухов, Дудкин – кружат по городу, петляя по улицам, пересекают мосты, возвращаются к исходным точкам (см. рисунок 2).

Этот эффект подчеркивает невозможность выхода из социальной, политической и экзистенциальной ловушки. Вся городская транспортная инфраструктура – мосты, проспекты, переулки – становится не средством передвижения, а своеобразным капканом. Символом этого служат мосты, соединяющие острова и материк. Они не столько соединяют, сколько подчеркивают существующий разрыв между мирами – между порядком и хаосом, центром и периферией.

Рисунок 3 – Утренние потоки рабочих (генеративная графика М. М. Власюка)

4 Время как функция движения. Транспортный хронотоп у Андрея Белого тесно связан с понятием времени, которое в романе не линейная величина, а циклическое движение, отмеряемое ритмами города:

- утренние потоки рабочих (рисунок 3);
- вечерние обратные маршруты;
- смена дня и ночи, связанная с оживлением разных зон города;
- звук заводских гудков, бой курантов, ритмичные звонки телефонов – всё это формирует акустический хронотоп, задающий время пространства.

Бомба с часовым механизмом в виде сардинницы, которую носит герой, заведена буквально как часы. Ее взрыв привязан ко времени и маршруту перемещений по городу. Таким образом, сюжет завязан на пространственно-временной синхронизации движения, маршрутов и событий.

5 Город как механизм судьбы. Петербург в романе – это не просто механизм, управляющий потоками людей, но и механизм производства судьбы. Персонажи оказываются не просто жителями города, но элементами этой сложной системы. Их блуждания по лабиринтам улиц, бесконечные пересечения мостов, зависимость от расписаний и ритуалов города становятся метафорой их неспособности вырваться из predetermined сценария. Автором четко разделена символическая география Петербурга:

- центр – зона власти, порядка, геометрии, административной симметрии;
- острова и окраины – пространство неопределенности, хаоса, революции, стихийного движения;
- мосты – переходные точки, зоны риска, места обострения конфликтов.

Таким образом, Андрей Белый в романе «Петербург» создает уникальную модель города как транспортного и урбанистического механизма, в котором топография, маршруты, симметрия и ритмы становятся неотъемлемой частью не только внешнего, но и внутреннего мира персонажей. Город – не просто сцена – это динамическая система, которая задает не только движение масс и транспортных потоков, но и формирует структуру времени, психологии, судьбы. В этом смысле роман Белого оказывается актуальным не только для литературоведческого анализа, но и для исследований в области урбанистики, транспортного моделирования и изучения городской динамики как феномена культуры начала XX века. Петербург в романе – не просто столица великой империи. Это часы, механизм, лабиринт, транспортная машина и судьба одновременно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Белый, А.* Петербург: роман в восьми главах с прологом и эпилогом / А. Белый. – СПб. : Наука, 2004. – 699 с.
- 2 *Белый, А.* Петербург / А. Белый. – М. : Художественная литература, 1978. – 389 с.